

Валентин Иванович Яковенко

**Богдан Хмельницкий. Его
жизнь и общественная
деятельность**

**Валентин Иванович Яковенко
Богдан Хмельницкий. Его
жизнь и общественная
деятельность**
Серия «Жизнь замечательных людей»

предоставлено правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175820

Аннотация

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Глава I. Перед смертельной схваткой
Конец ознакомительного фрагмента.

6
23

В. И. Яковенко

Богдан Хмельницкий

**Его жизнь и общественная
деятельность**

Биографический очерк

С портретом

Богдана Хмельницкого,

гравированным в

Лейпциге Геданом

Глава I. Перед смертельной схваткой

Присоединение Древней Руси к Литве и Польше. – Характерная особенность общественного строя Речи Посполитой. – Экономическое положение крестьянства. – Украина. – Дворянство. – Горожане. – Казачество. – Татары. – Запорожская Сечь. – Посягательство на казацкие привилегии и вольности. – Церковная уния. – Восстания и морские походы. – Косинский. – Наливайко. – Сагайдачный. – Тарас. – Сулима. – Павлюк. – Остринин, Скидан, Гуня

Оживленное некогда Поднепровье долго лежало в запустении после Батыева нашествия. Прошли времена Владимира Красного Солнышка. Прошла слава Олегов и Святославов, достигавших своими дерзновенными руками твердынь самого Царьграда. Прошли жестокие и бесславные времена удельных распрей. Все, даже самую память о былом, смела азиатская дичь, промчавшаяся диким вихрем по русской земле. Русскому человеку, словно застигнутому грозным явлением природы, оставалось одно только: бежать, укрыться. И он бежал: бежал в полесские болота, на север, бежал к карпатскому предгорью, в Червонную Русь. Сюда, в столицу червоннорусских князей Романа и Данила, и переносит-

ся на некоторое время центр южнорусской жизни. Но львовским князьям не удалось создать сильного государства. В XIV столетии Червонная Русь присоединена была к Польше, а остальная часть южнорусской области: Подолье, Киевщина, тогдашняя Украина, – вошли в состав Великого княжества Литовского. Правда, это литовское княжество было в действительности русское: здесь господствовали южнорусская образованность и южнорусский язык. И после того, как литовские князья одержали верх над татарской силой и отбросили ее к самым берегам Черного моря, наступала, казалось, новая эра для развития самобытного южнорусского государства. Но к этому времени выросла уже Польша, которую не затопила монгольская волна и которая продолжала развиваться в близком соприкосновении с западноевропейским миром. В 1386 году Польша и Литва соединились под властью литовского князя Ягелло, женившегося на наследнице польской короны Ядвиге. Оба государства сохраняли свою полную самостоятельность: в Литве продолжал княжить старый княжеский род, а Польша избирала себе в короли литовского князя. Личная уния с течением времени переходит в полное государственное объединение, а высшая культура, естественно, дает перевес полякам. В 1476 году уничтожается удельное Киевское княжество; оно превращается в простое воеводство. В 1569 году по Люблинской гражданской унии вся южнорусская область присоединяется непосредственно к Польше, становится провинцией Поль-

ши, хотя и на правах равной и свободной страны и с полным сохранением веры, языка, законов, национальности. Но это бумажное равенство и свобода прикрывали совершившееся уже порабощение. Вскоре после Люблинской унии началась столетняя казацко-шляхетская война; она истощила силы обоих народов и привела, в конце концов, старую Польшу к гибели “от моря до моря”.

Характерную особенность Речи Посполитой в это время составляло резкое деление народа на два класса: своевольствующее шляхетство и порабощенное хлопство. Правда, подобное деление существовало в те времена повсюду в Европе; но едва ли можно указать другую страну, где бы противоположность между этими двумя общественными классами была так велика, как в старой Польше. И, что любопытно, причиной этому была не столько угнетенность и несправедливость закрепощенного крестьянства, сколько чрезвычайная полноправность и независимость шляхетства. Крестьяне в Польше, как и везде, представляли тогда просто орудия производства, человеческий инвентарь владельческого поместья; они были порабощены, угнетены и отданы всецело во власть помещиков, как и везде; в этом отношении не было особенно значительного различия между “хлопами” различных стран Европы. Но шляхтич, пан, магнат являлся в Польше не только полновластным господином, феодалом, маленьким царьком в своих поместьях, но и полновластным, можно сказать, даже своевольным вершителем су-

деб всей Речи Посполитой. В века господства физической силы всякий действительно сильный человек, достаточно богатый, чтобы собрать около себя силу, достаточно отважный и предприимчивый, может стать вершителем судьбы своего отечества. Всем хорошо известны беспрестанные и кровопролитные распри королей с их якобы подданными феодалами – распри, заполняющие историю средних веков. Но нигде в Европе в ту пору, да и в позднейшие времена, отдельный представитель господствующего класса не пользовался таким безусловным правом решать судьбы своего отечества, как *liberum veto*¹ польского шляхтича, это всеуничтожающее “не позволю”, которым приостанавливалось любое решение сейма. Политическое право, как и политическое бесправие, является всегда выражением существующего соотношения между различными общественными силами; это – форма, получающая свое значение в зависимости от содержания, от материальной и духовной жизни народа. Экономическая же и духовная жизнь польского общества в XVI веке стояла на чрезвычайно низком уровне развития. В экономическом отношении мы видим самое жестокое порабощение трудящегося класса, а в духовном – господство иезуитизма. Естественно, что и *liberum veto*, это, быть может, идеальнейшее из идеальных прав, питаемое, с одной стороны, экономическим, с другой – духовным насилием, превращается само в

¹ Право наложения единоличного запрета на решение законодательного собрания, практиковавшееся в Польском сейме XVII – XVIII вв.

своего рода насилие – в безграничное своеволие. Нет такой алхимии, говорит Спенсер, при помощи которой из свинцовых инстинктов можно было бы создать золотое поведение. И политическая алхимия даже с ее *liberum veto* не могла выработать из польского шляхетства ничего, кроме своевольных насильников, в крови народной потопивших свою самобытность и самостоятельность.

Liberum veto лежало, так сказать, на самом дне той пропасти, которую польское шляхетство старательно рыло между собою и народом. Даже при полной национальной однородности государственного тела и единой религии такое глубокое разъединение общественных классов не обошлось бы без жестоких внутренних потрясений. Но Польша в XVI веке далеко не представляла единого тела. Русские и после присоединения к Польше продолжали сохранять свою национальность и религию, а они занимали тогда громадные пространства на востоке и юге Речи Посполитой. Правда, верхний слой русского народа стал быстро ополячиваться: он усваивал польскую культуру, переходил в католичество и получал все шляхетские права; но тем крепче простой народ стоял за свою национальность и веру, так как потеря того и другого означала бы бесповоротное обращение в хлопков. Экономические условия играли громадную роль, как в покладистости верхнего слоя, так и в строптивости и непримиримости нижнего. Национальная же и религиозная рознь снимала, так сказать, завесу с глаз и развязывала руки на борьбу.

В достатутный период право на землю в Литовском княжестве принадлежало великому князю; поэтому землевладение было одинаково условно для всех частных лиц без исключения и не составляло, собственно, ничьей привилегии; все свободные сословия, а следовательно, и самое многочисленное из них, крестьяне, пользовались в этом отношении одинаковыми правами; все земли были обложены в пользу великого князя повинностями; большинство земледельческого населения сохраняло личную свободу, подчинялось общему суду или пользовалось своим общинным судом. Но со времени установления между Литовским княжеством и Польшей, в Литве и на Руси начинают распространяться польские порядки, и положение крестьян значительно ухудшается. Первым делом из рук великого князя ускользает право собственности на землю; она становится фактически достоянием шляхты; к ней же переходят суд и расправа над крестьянами, превращающимися в “подданных” мжновластного пана. Так, еще по статуту 1529 года “права крестьян на находящиеся в их владении земли, если не в силу положительного закона, то по обычаю, были более или менее обеспечены и прочны”. Но уже статут 1566 года начинает строго преследовать всякое притязание крестьян на участие в землевладении и гарантирует им только право на движимость. Этот процесс перехода земли в собственность шляхты и превращение свободного крестьянина в польского подданного, а вместе с тем и перехода всей юридической и админи-

стративной власти в руки той же шляхты совершался быстрее в сопредельных с Польшею областях, в Литве, чем в Поднепровье и в отдаленных южных степях, куда медленно, но неуклонно подвигалась южнорусская колонизация. Поэтому и гнет шляхетского господства давал себя чувствовать гораздо сильнее в Полесье или на Воляни, чем на Украине. Порабощение литовских крестьян один современник сравнивает с татарской неволей и упрекает литовских панов за то, что они мучат, уродуют и убивают без всякого суда своих людей. Каково же вообще было положение крестьянина в Польше, лучше всего видно из свидетельств, оставленных современниками.

“Нет государства, – говорит в своих проповедях иезуит Скарга, – где бы подданные и земледельцы были так угнетены, как у нас, под беспредельною властью шляхты. Разгневанный землянин (владелец) или королевский староста не только отнимает у бедного хлопа все, что у него есть, но и самого убьет, когда захочет и как захочет, и за то ни от кого слова дурного не потерпит”. “Крестьяне в Польше, – говорит другой современник, – мучатся, как в чистилище, в то время, как господа их блаженствуют, как в раю”.

Крестьянин отбивал панщину, отдавал детей своих в дворовую службу, трижды в год доставлял своему владельцу натурою зерно, всякую живность; со всего имущества (быков, лошадей, свиней, овец, меда и плодов) отдавал десятую часть; кроме того, это же имущество было обложено еще все-

возможными пошлинами: *очковое* платилось с каждого улья, *рогатое* – с каждого вола, *ставщина* – за право ловить рыбу, *опасное* – за право пасти скот, *жолудное* – за право собирать желуди, *сухомелъщина* – за помол муки; *дудок* платился при рождении ребенка, *поемщизна* – при женитьбе сына или выдаче замуж дочери и так далее. Одним словом, каждый шаг крестьянина был обложен всевозможного рода платежами, деньгами и натурой в пользу пана.

Тем не менее театром казацко-шляхетской борьбы была именно Украина, то есть провинция, наименее сравнительно угнетенная панами, и именно потому, что народ здесь не был еще окончательно задавлен. Кроме того, Украина представляла самую отдаленную провинцию, почти неизвестную полякам; едва ли бы даже они могли указать пограничную линию, где оканчивались владения Польши и начинались кочевья татар. Это был, одним словом, обширнейший аванпост, занятый передовыми колонизационными отрядами южно-руссов, возвращавшихся на свои стародавние пепелища, – аванпост, лишенный всяких удобств культурной жизни и где сама жизнь подвергалась беспрестанной опасности. Понятно, что такая страна, какой бы роскошью и богатством природы она ни отличалась, не могла представляться особенно заманчивой для шляхты. Затем Украина стала естественным средоточием всякого беглого и беспокойного люда, не ужившегося со шляхетскими распорядками во внутренних областях Речи Посполитой. Сюда бежал крестьянин от гне-

та шляхтича, горожанин – от притеснений старосты и воеводы, мелкий шляхтич – от самовольства магната, а в иных случаях даже магнат, подвергнувшийся баниции. Такой народ не мог, конечно, пассивно относиться к посягательствам на свой труд и свою свободу, а посягательства не замедлили проявиться, как только жизнь в этой пограничной области получила некоторую устойчивость. Так, в сеймовом постановлении 1590 года, изданном от имени короля, читаем:

“Государственные сословия обратили наше внимание на то обстоятельство, что ни государство, ни частные лица не извлекают никаких доходов из обширных, лежащих впусте, наших владений на украинском пограничье за Белой Церковью. Дабы тамошние земли не оставались пустыми и приносили какую-нибудь пользу, мы на основании представленного нам всеми сословиями права будем раздавать эти пустыни по нашему усмотрению в вечное владение лицам шляхетского происхождения за заслуги перед нами и Речью Посполитою”.

И действительно, со времени восстания Богдана Хмельницкого мы встречаем польских магнатов, довольно прочно осевших уже в левобережной Украине и захвативших здесь в свои руки десятки городов и сотни селений. Однако народ уходил на Украину не затем, чтобы спокойно надеть на себя ярмо панщины, когда шляхтичам вздумается прекратить те льготы, которыми они заманивали на поселенье. Здесь на полях свободолюбивой Украины южнорусский народ всту-

пил в кровавую борьбу с польской шляхтою. Кто же становится во главе этой народной борьбы? Кто подымает до ясно осознанной идеи смутные, инстинктивные стремления народа? Кто, наконец, организует борьбу и руководит ею? Южнорусская интеллигенция, лучшие люди своего народа, сохраняющие свою кровную связь с ним? Увы, – где она, эта южнорусская интеллигенция или, по тому времени, аристократия? Родовитых русинов прельстило положение польских магнатов, они потянулись к польской культуре, принимали католичество и совсем порывали связь со своим народом. Да кроме того, эта аристократия в описываемую эпоху вовсе не представляла уже лучших людей своего народа. Вот как отзываются современники о польском и ополячившемся дворянстве того времени~

“Никто не хочет жить трудом, – говорит Старовольский, – всяк норовит захватить чужое; легко достается оно, легко и спускается; всяк только о том думает, чтобы поразмашистее покутить; заработки убогих людей, собранные с их слезами, иногда со шкурой, истребляют они как гарпии или саранча: одна особа съедает в один день столько, сколько множество бедняков заработают в долгое время, все идет в дырявый мешок – брюхо”~ Или вот отзыв московского беглеца Курбского о польской аристократии. “Вельможи, – говорит он, – знают только пить да есть сладко; пьяные они очень храбры: берут и Москву, и Константинополь, и если бы даже на небо забился турок, то и оттуда готовы его снять. А когда лягут на

постели между толстыми перинами, то едва к полудню проспятся, встанут чуть живы, с головною болью. Вельможи и княжата так робки и истомлены своими женами, что, услышав варварское нахождение, забьются в претвердые города и, вооружившись, надев доспехи, сядут за стол, за кубки и болтают со своими пьяными бабами, из ворот же городских ни на шаг. А если выступят в поход, то идут издалека за врагами и, походивши дня два или три, возвращаются домой и, что бедные жители успели спасти от татар в лесах, какое-нибудь имение или скот, – все поедят и последнее разграбят”.

Таково было польское дворянство еще до восстания Богдана Хмельницкого, и эта характеристика вполне подтверждается многочисленными эпизодами из эпохи самого восстания. Таково было и русское дворянство. Естественно, что оно не только не могло руководить борьбой южнорусского народа, но даже не сочувствовало ей. Некоторые из панов оставались еще православными, и интересы веры не были им совершенно чужды; но лучшие из них были или уже слишком сдержаны, величаво-спокойны, как князь Острожский, или же увертливы и хитроумны, как Адам Кисель. Можно сказать, что русской аристократии, верхнего культурного слоя как отдельного класса вообще уже не существовало в эпоху казацких войн. Поэтому нам и нечего сказать о ее роли в этом деле. Городскому сословию, довольно сплоченному и политически развитому благодаря своему древнему общинному быту, а затем магдебургскому праву, было мало дела

до гнета, испытываемого крестьянством, и до всяких счетов между шляхтою и хлопством; а как люди ремесленные, коммерческие, они всегда занимали сторону порядка. Но тут затрагивался еще религиозный вопрос, шла борьба между православием и католицизмом, и в этом отношении горожане оказались не так покладисты, как дворяне. Они крепко стояли за свою веру и организовались в известные братства. О них мы скажем ниже. В политико-экономической же борьбе южнорусского народа они, горожане, как сословие не играли заметной роли.

Итак, народ, в узком смысле слова, был предоставлен собственным своим силам. Однако благодаря различным обстоятельствам у народа этого сложилась своеобразная организация, на которую и пала трудная задача вековой борьбы с сильным и победоносным некогда государством. Во главе народного движения стали казаки, и по мере того, как разгоралась борьба, крестьянство переходило все большими и большими массами в казачество. Были моменты, когда вся восставшая Украина казалась одним казацким станом и подчинялась единому казацкому режиму. Что же представляло собою казачество, как оно возникло?

С того времени, как татары завладели Крымским полуостровом и черноморским побережьем, южные окраины Польского государства, то есть русские области, подвергались беспрестанным опустошениям. Здесь не было никакой определенной резкой границы. Беспредельная степь, раскинув-

шаяся во все стороны, сохраняла еще почти всю свою первобытную дикость. Она то волновалась высокой густой травой, в которой легко мог укрыться всадник и которая кишела массой всякой дичи, то превращалась в безжизненную выжженную равнину. Нельзя сказать, чтобы она безмолвствовала, так как тысячи звуков, производимых насекомыми, птицами и т.п., сливались в один шум, но здесь редко раздавался голос человеческий. Вот пробирается татарский отряд на Украину. Всадники молча, медленно и осторожно продвигаются вперед. Каждый из них имеет запасных лошадей. Приближаясь к русским поселениям, отряд разделяется на четыре части: первая из них направляется на север, вторая – на юг, третья – на восток, четвертая – на запад; отъехав на некоторое расстояние, каждый отряд разбивается на три группы и разъезжается в три разные стороны; затем каждая группа снова распадается на три шайки. Все это делается с той целью, чтобы быстро осмотреть местность и затем напасть врасплох на врага. Сделав свое дело, высмотрев местность, каждая шайка возвращается в условленное место и весь отряд выжидает удобного времени для нападения. Стремительно, с диким криком набрасываются татары на намеченные села, захватывают скот, имущество, людей и быстро бросаются в обратный путь. И степь умолкает. Притопанная трава подымается, и трудно отыскать даже след недавнего набега. Татары составляли одну стихию со степью, и, чтобы успешно бороться с ними, необходимо было создать

своеобразную организацию, совершенно отличную от обычной военной организации того времени.

По мере того, как русско-польская колонизация подвигалась все далее и далее на юг, столкновения с этими степняками, естественно, должны были все более и более учащаться. С одной стороны, татары не хотели знать никакой границы; они привыкли свободно кочевать по всей необъятной степи; с другой, – близость добычи, близость украинских поселений, надвигавшихся все ближе и ближе к их кочевьям, соблазняла и возбуждала татарскую удадь. В XV веке наиболее значительные набеги отмечены летописью под годами: 1416, 1447, 1452, 1453, 1457, 1462, 1469; в XVI веке – под годами 1516, 1532, 1537, 1538, 1550, 1558, 1566, 1593. Вообще же не проходило года, чтобы татарские загоны не появлялись в той или другой местности и не подвергали страну опустошению. В годы больших набегов татары творили, как выражается летопись, “многия пакости”. Они уводили по пять, восемь, пятнадцать, а случалось, и свыше пятидесяти тысяч человек в неволю. После набега 1593 года в Луцком повете оставалось до 1601 года разрушенными 269 местечек и селений.

К тому же эти хищники, причинявшие страшный материальный урон, были нехристи, были тем врагом, против которого ополчилась и вся католическая Европа. Они находились в зависимости от Турции и представляли, можно сказать, ее передовые полчища. Непримируемая борьба с ними счита-

лась святым делом. Как там, в Европе, так и здесь, в украинских степях, лицом к лицу стояло два мира: мир христианский и мир мусульманский. И последний, воодушевленный дикой отвагой, с обнаженным мечом грозил покорить под власть Ислама неверных гяуров. Долго длилась эта борьба, больших жертв стоила она христианским народам. На долю нашей Украины выпала самая неблагоприятная роль. Главная арена борьбы находилась в Средней Европе: там были громкие победы и громкие поражения; там – герои, признанные историей и увенчанные лаврами. Что же касается Украины, то одно только небо да молчаливая степь со своими курганами были свидетелями ежедневной неустанной борьбы, которую выдерживали здесь наши предки. Серенькая, негромкая, неэффективная борьба эта требовала в действительности большей отваги, большего напряжения, чем шумные сражения громадных армий по ту сторону Карпатских гор. Но чего не сделали присяжные летописцы и историки, сделал сам народ. Он в своих думах воспел свою борьбу, свои страдания и победы, и эти думы останутся навеки лучшим памятником его былого героизма. Итак, мусульманский мир в лице степного хищника-татарина встретил должный отпор со стороны христианского мира в лице украинского казака, который долгое время вел, можно сказать, одну борьбу с врагом и удерживал его натиск на Польшу, пока объединившаяся Русь не завладела самым его гнездом – Крымом.

Безлюдная степь со своим громадным простором, тем-

но-синим небом и палящим солнцем, беззащитная граница; беспокойный враг – наездник, словно саранча налетавший на села и города; вера, делавшая борьбу упорной и придававшая ей возвышенный характер; наконец, отсутствие каких-либо систематических мероприятий со стороны Речи Посполитой для защиты степной границы, – вот условия, благодаря которым зарождается и развивается казачество. Далеко не сразу казачество нашло свой центр и приняло сколько-нибудь организованный вид. Сначала это были, вероятно, бродячие, случайно собиравшиеся ватаги удальцов, которые отваживались преследовать татар в безлюдной степи до самого их жилья. Боевая наездническая жизнь не располагала к земледельческому труду, а просторная, богатая роскошной растительностью степь манила каждого, кому только посчастливилось с добычей возвратиться назад. Там, в степи, можно было заняться скотоводством, звероловством, рыболовством в низовьях Днепра, наконец торговлей, – так как там же проходил путь из Турции и вообще побережья Черного моря в Московию и Польшу. И лихой наездник при известных обстоятельствах становился пастухом, рыболовом, торговцем и т. п. Эти своевольные ватаги на время своих предприятий составляли кош² и выбирали себе атамана, которому подчинялись безусловно.

Таким образом, среди пограничного украинского населе-

² Кош – “всякое временное помещение в пустом месте или на дороге, отдельная кибитка, лагерь, остановите, сборное место”

ния вошло в обыкновение *ходить в казаки*. Этой повадкой пользовались, между прочим, и старосты сторожевых королевских замков, а также приграничные магнаты. Они сзывали к себе охотников показывать, нередко становились сами во главе ватаги и ударяли на врага. В начале XVI столетия мы встречаем уже прямые указания летописцев на таких предводителей и устроителей казачества: это были – хмельницкий староста Ляндскоронский, черкасский и каневский староста Дашкевич и позднее Дмитрий Вишневецкий. Средоточием казачества становятся Черкассы, древнейший город южной Руси, и Канев. Все эти предводители принадлежали к людям “метным” (знатным), как выразился московский царь по поводу Дашкевича. Они поняли, какую службу могут сослужить казаки Польше в ее естественном движении на юг, к Черному морю, и обращались к правительству с предложением дать казачеству постоянную организацию; польский сейм одобрял сначала эти планы, проектировал устройство рыцарской школы за днепровскими порогами, но дальше разговоров дело не шло. Может быть, его пугало слишком независимое положение этих “метных” пограничников. Они позволяли себе свободно переходить со службы польскому королю на службу к московскому царю и даже турецкому султану. С другой стороны, казаки затевали свои набеги на татар, даже в Турцию, иногда совсем не вовремя для польского правительства: поляки заключают *вечный*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.